

ЗАВТРА — 90 ЛЕТ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ВЕЛИКОГО АРТИСТА

У МИКРОФОНА — ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ КАЧАЛОВ

БОЛЬШАЯ радиостудия в здании Центрального телеграфа на улице Горького вопреки правилам внутреннего распорядка полна народу. Сюда пришли редакторы, актеры, машинистки, дикторы, техники.

Все ждут начала передачи, посвященной 65-летию со дня рождения народного артиста Советского Союза Василия Ивановича Качалова.

Сам юбиляр, по своему обычаю, явился задолго до начала. Когда ведущий диктор пришел в студию, чтобы сверить с ним программу, Василий Иванович уже сидел за микрофонным столиком и что-то читал вполголоса. Порядок номеров его вполне устраивал. Он лишь попросил диктора перед монологом Карамазова на несколько секунд выключить микрофон.

Передача началась. Качалов читал Пушкина, Горького, Достоевского. Как было условлено, перед монологом Ивана Карамазова диктор выключил микрофон и, прежде чем включить его снова, сказал традиционное «внимание!». Качалов же, приняв это за сигнал к началу, стал читать.

Войдя в образ, казалось, он видел, осязал эту свежую, липкую зелень молодой березы. А у диктора не включен микрофон! В эфире пауза! Накладка! Ведущий осторожно кладет руку на плечо артиста и произносит почти шепотом: «Василий Иванович, микрофон не включен. Извините, но надо вам начать сначала». Он как бы возвращается из другого бытия: «Что? Микрофон? Ах, да, да, конечно, микрофон. Да, да, пожалуйста, включите, конечно, включите». Ни тени раздражения, ни капли недовольства. И перед нами снова Иван Карамазов.

А после передачи Качалов поблагодарил ведущего «за помощь, которую диктор всег-

да оказывает артисту у микрофона». Добрая душа!

ВАСИЛИЙ Иванович Качалов действительно был одним из самых любимых нами актеров. Он никогда не выступал перед дикторами с рассказами о своем творческом пути, не учил нас выразительному чтению. Тем не менее многие дикторы старшего поколения не без основания считают его своим учителем: ведь каждая качаловская передача была школой совершеннейшего владе-

ния: куда исчез бархатный качаловский голос, о котором столько написано и сказано? Звучат, нет, не звучат, а лязгают жесткие, «костлявые» ноты, они раздражают, они режут ухо — это говорит Смерть. И вновь — свет и тепло, вновь — виолончель голоса Качалова: любовь победила смерть!

ОСОБЕННО часто выступал Качалов по радио в годы Великой Отечественной войны. Войдя в дикторскую и поздоровавшись, он неизмен-

Блока. Стихотворения следовали одно за другим. Перед объявлением каждого номера я, как это любил Качалов, делала небольшую паузу. Но тут был момент, когда я позабыла об этом правиле, позабыла, что нахожусь при исполнении служебных обязанностей: Качалов читал «О доблестях, о подвигах, о славе». В небольшом стихотворении он сумел показать всю жизнь человека, с любовью, страданиями, радостями и потерями.

«Уж не мечтать о нежности, о славе,

Все миновалось, молодость прошла!».

Как произнес эти слова Качалов! Сколько было в них и тоски, и боли о навсегда утраченном и в то же время глубокого и мудрого примирения: что же делать, что прошла... Даже какая-то добрая усмешка промелькнула в его интонации, точно он хотел сказать «и пусть прошла». Я внимательно взглянула на Качалова и вдруг, точно в первый раз, увидела его седые волосы, глубокие морщинки вокруг глаз, и до того горько и обидно мне стало за него, что я чуть не заплакала. Опомнилась я от прикосновения руки Качалова к моей руке: кончив читать, он кивком головы указывал мне на микрофон. Я овладела собой и объявила следующий номер.

После передачи Василия Ивановича пригласили в аппаратную слушать запись. Мы последовали за ним.

Он слушал пленку за пленкой, делал пометки на полях своей книги и нещадно браковал все записи.

Стоя в дверях аппаратной, мы переглядывались между собой, удивляясь той суровой

критике, которой подвергал себя великий артист: нам все казалось совершенством и вдруг: «Нет-нет, этого нельзя никак оставлять. Сотрите, пожалуйста, запись. Она абсолютно не звучит». «Что же тогда звучит...», — растерянно шепчет диктор Зоя Викторова. «Подожди, — отвечаю ей тоже шепотом, — сейчас услышишь».

«О доблестях, о подвигах, о славе
Я забывал на горестной земле...».

Василий Иванович, слегка прикинув ухом к репродуктору, напряженно слушает самого себя. Все выкидательно смотрят на него: неужели и эту уникальную запись он велит уничтожить? Василий Иванович записывает что-то в книге и медленно, раздумчиво говорит: «Вот это — ничего. Да, да, конечно, это — ничего. Это, пожалуй, можно сохранить. Ну, разумеется, можно. Эту запись я прошу вас сохранить». Последнюю фразу он произносит решительно, почти категорически, затем поднимается с кресла, благодарит всех за внимание, раскланивается и уходит.

— Вот это — артист! — восклицает Владимир Герцик, — вот это человек!

Нат. ТОЛСТОВА.

Из воспоминаний старейшего диктора

ния всеми тайнами приемов выразительного чтения, примером уважительного отношения к каждому выступлению перед микрофоном.

По отдельным сохранившимся записям мы знаем, каких творческих вершин достигал Качалов в своих выступлениях по радио. Мне пришлось однажды вести передачу, в которой он читал сцену Сатина и Барона из пьесы Горького «На дне».

Как обычно, Василий Иванович сидел у микрофона, чуть подавшись вперед, перед ним лежала книга, в которую он не заглядывал: как всегда, его жесты были скупы и точны. Перехода от одного персонажа к другому, он всякий раз делал едва заметные движения, и перед мной возникли те «выгертый Барон», то большой, громогласный Сатин.

Помню исполнение Качаловым поэмы Горького «Девушка и Смерть». Какие чары таланта, какое мастерство или, точнее сказать, какое волшебство помогали артисту в его перевоплощениях? Вот явственно слышится трепетный, теплый голос девичьей любви: «...я с милым говорю...». И молниеносно все ме-

но спрашивал: «Не было еще сводки Совинформбюро?». Или: «Скоро ждете важное сообщение?». Вместе с нами у репродуктора с тревогой или радостью слушал он вести с фронта.

В его репертуаре были тогда произведения русских классиков и поэтов-фронтовиков. Слушая в самые трудные дни 1941 года гоголевскую «Тройку» в интерпретации Качалова, нельзя было не верить в победу, в силу и мощь нашей Родины: такая крепкая убежденность звучала в его голосе и интонациях.

Исполнение Качаловым стихотворения К. Симонова «Жди меня» не одно сердце согревало надеждой на непремленную встречу с любимым. Однажды после качаловской передачи в дикторской раздался телефонный звонок. Я взяла трубку. Говорила какая-то женщина: «Скажите, пожалуйста, артисту Качалову спасибо. Я верю теперь, что он вернется...». «Кто вернется?». «Он, Коля, мой муж. Я жду его». И повесила трубку.

ВМОЕЙ памяти сохранилась еще одна передача, которую я вела: Василий Иванович читал своего любимого

